

Евгений Абдуллаев

«Приют пиров, ничем невозмутимых...»

О новых поэтических сериях и сборниках 2020 года

Совершенно неожиданный всплеск поэтического книгоиздания.

Казалось бы, карантин, книжные обезлюдели, типографии работают с перебоями, продажи упали. Катит по улицам черная телега. Оффлайновая поэтическая активность упала до нуля — ни презентаций, ни литературных сходов.

При этом — одна за другой появляются новые поэтические серии, не отстают и прежние.

Парадоксом это кажется только на первый взгляд. Поэтическое книгоиздание уже давно почти не связано с получением прибыли, книготорговой сетью и состоянием книжного рынка. Это такое маленькое княжество, вроде Лихтенштейна, которое существует по своим собственным законам. И в ситуации, аналогичной прошлогодней (а это черное кино еще продолжается), это даже оказывается плюсом. Кому почти нечего было терять — те и не потеряли. И даже наоборот.

Поэтому немного отступлю от формата ежегодных «дружбинских» обзоров. Этот будет больше не о книгах, а о поэтических книжных сериях: и старых, и — особенно — новых.

Разговор, естественно, получится более спутанным и пестрым. Чтобы не превращать его окончательно в литературную кадрили с мельканием авторов-названий-издательств, упоминать и цитировать буду не всё. Могут возникнуть какие-то разночтения и по количеству изданных в той или иной серии книг. Ориентировался, в основном, по сайтам, а они не у всех издателей есть, и не всеми, увы, исправно обновляются.

Так что возможны небольшие погрешности. Но общую картину, надеюсь, воссоздать получилось.

«Воймега» и новая серия «Пироскаф»

Начнем с известных поэтических издательств и серий.

В «Воймеге» вышло восемь книг — в том числе Алексея Алёхина¹, Владимира Козлова, Артёма Морса, Наты Сучковой... Плюс шесть книг новой «молодежной» серии «Пироскаф», о которой будет сказано чуть дальше.

«Воймега», возникшая в 2004 году, как своего рода издательский проект поэтического объединения «Алконость» (и постепенно его рамки переросшая), продолжает установку на постакмеистическую линию. На «золотую середину» между традиционной силлаботоникой и поставангардными экспериментами.

¹ На нее уже откликнулся рецензией в «Дружбе народов» (2020, № 12).

Из «Страны» Наты Сучковой — одного из постоянных «воймеговских» авторов:

В инстаграме Пушкина — зимняя дорога,
Маша-недотрога, синие глаза.
Лайкает Жуковский, пара-тройка ботов,
Бенкендорф не лайкает Пушкина, нельзя.

В инстаграме Пушкина дворики одесские,
дюжина шампанского, устрицы во льду,
пистолет на бархате, папиюльки женские,
валенки извозчиков — обнови, найду.

Дальше — лет за сто листай — автор нас не радует:
мутное и зябкое, строки от руки,
воробьи и ангелы, облака и радуги
и вопрос от Дельвига: «Пушкин, где стихи?»

Интересно устроена книга Владимира Козлова с длинным названием «Красивый добрый страшный лживый смелый человек-невидимка». Медитативные верлибры помещены параллельно с графическими символами. Смайлик означает «героя», человечек с поднятой рукой — «другого», и так далее. Идет, например, стихотворение:

Они собирались вокруг созревающего кофейника
числом от трёх до семи,
уединившись на краткое и, как правило, позднее время,
и этот вкус,
соединяющий горечь и сладость,
владел их сознанием — так сладко
было отринуть всю тяжесть нажитых связей,
оставить их за дверью кухни,
как горько
вдруг становилось при взгляде наружу:
на долю, заботы, семью, увлечения —
всё жалкое такое, бедное, напряжённое и скупое —
так мало воздуха, но они
всё же украли себе немного...

— а сбоку значки: человечек с поднятой рукой («остатки старого мира»), стрелки вверх-вниз («горечь и сладость»), снежинка («глаза, светящиеся в темноте»)...

Я не любитель подобных графических кунштюков — обычно их требует несколько ущербная, несамодостаточная поэзия; стихи же Козлова вполне самодостаточны. Но — в качестве разового эксперимента, почему бы нет.

Иркутский поэт Артём Морс — чей неожиданный псевдоним означает и ягодный напиток, и (по-латински) смерть. Семь лет назад в «Воймеге» выходил его сборник, тогда, насколько помню, меня не заинтересовавший. Нынешний, «Что музыка» — это уже немного другой Морс, более зрелый, более стилистически раскрепощенный, более метафизичный.

взрослое животное входит в холодную воду
фыркает и плывёт
жизнь его похожа на непогоду
и одновременно на самолёт
вот он летит/плывёт и плывёт/летит
ветер его обнимает дождь его холодит
господи что происходит и почему всё так
господь не отвечает абонент потерял контакт
хочешь не хочешь приходится выбираться
из обстоятельств/времени/леса/тьмы
взрослое животное с животной грацией
выходит мокрое из воды

Море мыслит стихами, а не просто *выражает* стихами мысли. Он может посмотреть на человека и сказать: «А разве человек не часть природы?/ Разве в нём нет воды,/ земли, ветра и огня?» Услышать музыку — и: «что музыка когда её в слова/ оденешь точно куклу/ пластмасса да и только/ потому/ ни слова больше/ слушай тишину». Будет обидно, если сборник останется неслышанным.

В новой серии «Пироскаф» вышли шесть книг участников поэтических семинаров Союза писателей Москвы — Максима Бессонова, Данилы Ноздрякова, Бориса Пейгина, Карена Тараяна, Евгении Ульянкиной и Всеволода Федотова¹.

Каждая из книг серии открывается эпиграфом из «Пироскафа» Боратынского: «С бурной стихией в томительном споре...» Спора со стихиями и «бури и натиска» в сборниках не заметно: позиция авторов — скорее созерцающая, чем противостоящая. Впрочем, сам акт поэзии, само поэтическое высказывание — уже противостояние: немоте, болтовне, сумеречной современности, несмыслающему времени...

Из книги Всеволода Федотова «Сейчас самое время»:

и всё
нет тебе никакой бесконечности

только жена
соседка
не дай бог дети
пьянство средней громкости
песня из девяностых
ясный мой свет
и темнота

Какого-то общего стилистического вектора, как показывает серия, у современной молодой поэзии нет. Здесь и силлаботоника (Бессонов, Пейгин, Тараян), и верлибр (Федотов, Ноздряков), и гетероморфный стих (Ульянкина)... Молодая поэзия пронзительно разнообразна. Каковой, в общем, и была всегда.

«ОГИ-Поэзия», «Современная русская поэзия» и «Поэтическая библиотека»

Возобновило издание современной поэзии издательство «ОГИ».

Вышли «Солнечное утро» и «Малые формы» Тимура Кибирова, «Последний конвой» Алексея Цветкова, «Избранное, составленное поэтами» Олега Юрьева.

В отличие от некоммерческой «Воймеги», которая может позволить себе печатать и поэтов не слишком известных, «ОГИ» делает ставку на тех, чьи имена более-менее на слуху. Стилистический регистр в целом тот же — разве что чуть шире.

Из «Солнечного утра» Тимура Кибирова — что называется, в развитие пушкинской темы:

Батюшки светы и матушки тьмы!
Пьет Вальсингам за здоровье Чумы!
Я же ладошкой прикрою бокал,
Чтобы он не наливал.

Хватит с меня упоений уже
И нисхождений с ума —
Десять запретов и девять блаженств,
Батюшки светы и тьма.

¹ На сборники уже успел откликнуться обстоятельной статьей Сергей Баталов («Вопросы литературы», 2020, № 6).

Так я стою, как дурак, и пою
Бездны на самом краю.
Батюшки светы и матушки тьмы
Слушают песню мою.

В декабре была представлена новая поэтическая серия «ОГИ-поэзия».

Пока вышло пять сборников: Дмитрия Веденяпина, Юлия Гуголева, Всеволода Емелина, Анатолия Наймана, Данилы Файзова. Каждый снабжен стандартной аннотацией: «В новую книгу известного современного поэта...» Только у Наймана «известного» отсутствует. То ли сам Анатолий Генрихович воспротивился, то ли просто выпало. Впрочем, Найман («Выход») и стоит — со своей стилистической ажурностью — в серии несколько особняком.

Есть обряд погружения в сны —
пар над прорубью, одурь кофейни.
Есть бубнящих слепцов светизны
колыбельный припев пробужденья.
Так и так не тебе выбирать:
в суть видений, любовен ли, злобен
ход их, вникнуть рассудка не трать —
голос пеня тем паче бессловен.

В остальных же сборниках больше уклон на социальность и злободневность. Больше всего, разумеется, у Емелина («Фейк ньюз»), менее — у Веденяпина («Что Париж — бери выше»). Есть и про коронавирус. Но цитировать почему-то не тянет.

Лучше приведу из книги Данила Файзова «Именно то стихотворение, которое мне сегодня необходимо». Не могу сказать, что я нашел в ней «именно то стихотворение...». Но общая интонация — легкая, ветреная, солнечная — действует терапевтически.

дом в котором распахнуты окна
вылетает бумажка из рук
сохнет наволочка кони сохнут
белизна и свобода вокруг

оттого что кончается лето
так бумажке летится легко
дверь открыта и это поэтому
почему не сказать языком

О «Волынщике над Арлингтоном» Юлия Гуголева хорошо бы поговорить отдельно — если получится. Впрочем, то же можно отнести к каждой если не второй, то уж точно четвертой книге этого обзора. Дело за малым — временем и тишиной.

Закругляя разговор о «старых» поэтических сериях условной «золотой середины», упомяну еще две: «Современную русскую поэзию» издательства «Русский Гулливер» и «Поэтическую библиотеку» «Времени».

В «Современной русской поэзии» вышло восемь сборников — в широком диапазоне от прозрачно-классического Юрия Казарина («Каменские элегии») до — затрудняюсь подобрать подходящий эпитет — Фаины Гримберг («Неаполитанский танец, или Хроника матери и еще стихи»).

Из «Ловцов жемчуга» рыбинского поэта Максима Калинина.

Восемь слов
Иисусовой молитвы
На шесть
Ударов сердца.
И так,
Пока не остановится счётчик.

Позапрошлая книга Калинина состояла из сонетов — «Сонеты о русских святых» (2016), эта — вся — из коротких верлибров. Интересный путь: от жесткой формы — к свободной и минималистичной. Каков будет следующий шаг?

В «Поэтической библиотеке» «Времени» в прошлом году вышло десять сборников. Как, увы, обычно в этой серии — всё вперемешку: и классики, и не-классики, и вообще такое, что объяснить иными соображениями, кроме коммерческих, трудно. Впечатление несколько скрашивает маленький сборник Александра Кушнера «Осенний театр».

У меня под рукой становились стихами
И вино, и вода, и гора с облаками,
Подражавшими в плотности этой горе,
И Афины с забытыми ими богами,
И запущенный клён в петербургском дворе.

У меня под рукой тишина оживала,
Как волшебная флейта, — ни много ни мало!
У меня под рукой серебрилась сирень,
И привычная комната приобретала
Блеск дворцовый, особенно в солнечный день.

Всякий раз поражаешься умению Кушнера затертые, казалось бы, образы, расхожий «общекультурный» словарь — заставить звучать по-новому...

Теперь о более новых поэтических издательствах и сериях.

«Пальмира-поэзия», «На Кавказе» и другие

Новую серию — «Пальмира-поэзия» — начала в прошлом году питерская «Пальмира». Вышли шесть сборников, в том числе «Обновление устройства» Андрея Василевского, «Автобиография в произвольной форме» Владимира Губайловского и «Вы находитесь здесь» Александра Переверзина.

Стихи Переверзина до предела наполнены пространством — обжитым пространством небольших городов, рек, лесов. И все с именами — безымянных у него нет. Вазуза, Зубцов, Вологда, Рязань, Шатура, Солигалич, Мга... И люди все — обязательно с именами, и даже животные.

Дед всегда говорил маме:
не называй их нашими именами.
Как, — придёт время, — ты Кать и Алёш
пустишь под нож?

Какая Варька, какой Борька?
Называй Рябина, называй Зорька,
да хоть Ласточка, хоть Лебеда.
Но нашими — никогда.

Поэтому до четвёртого класса
я дружил с Кувшинкой, любил Водокраса,
носил в стойло Эльфу сахар и мел,
а с людьми дружить не хотел.

Тяга к именам у Переверзина не случайна. Танатологичность — родовая черта современной лирики — выражена у Переверзина предельно остро: само название

сборника «Вы находитесь здесь» — фраза с кладбищенского стенда в одном из стихотворений. А имена — то, что сохраняет, оберегает их носителя, противится смерти и распаду.

Завтра верные выйдут слова из руин или зимних берлог,
из нутра, из дупла и глухого угла —
и глагол, и союз, и предлог.

Выйдут валом из берегов, из себя — будто дети в сквер,
без прикрас, лишних глаз или фраз,
полагаясь на музыку сфер.

Это уже из «Сказуемого несовершенного вида» Галины Климовой, вышедшего в другой новой поэтической серии, «На Кавказе» — ставропольского издательства «Ставролит». В ней, кроме Климовой, изданы сборники Андрея Грицмана и двух ставропольских поэтов — Станислава Ливинского и Эгвины Фет.

«Последних полевых букетов шапки» Эгвины Фет — поток сбивчивой речи, интересной, хотя и несколько однообразной по своему печально-аутичному настрою. Запомнился цикл «Животное явление» с его неожиданно блеснувшей обэриутской искрой.

лось представил, окунь — это,
что на ниточке дрожит.
лев представил, заяц — это,
лист осинового дрожит.
подчинив существованье,
лес разлётся поперёк,
как в стекле у речки дальней
отразился василёк.
...
били бубны, кошки пели,
осень плавала в метро,
из вагона вышли ели,
с ними агния барто...

Много — что-то порядка шестидесяти наименований — издал за прошлый год «Стеклограф» (основан в 2017 году). Откуда берут столько поэтов (и зачем)? Добрые люди сидят в «Стеклографе». Три книги всё же назову.

Вера Зубарева, «Об ангелах и людях. Трактаты и поэмы». Редкий жанр поэтического трактата — попытка синтеза философской и религиозной лирики с научной прозой. «Трактат об ангелах», «Трактат об обезьяне» и «Трактат об Исходе»; несколько отстраненный, объективирующий язык, со скрытой иронией. В предисловии сказано, что это написано как бы «от лица сознания современного человека»; в послесловии Ирины Роднянской — жестче: «вердикт современному сознанию». Приводить какой-то отрывок из трактатов бессмысленно (вырванный из интеллектуально-эпического целого, мгновенно гаснет); процитирую из другой поэмы, «Реквием по снегу».

...И снится будущее. И все идут
С закрытыми глазами, и море в блёстках,
И плавно вздымается его батут
Под ангелами парусников и детьми в матросках.
И ты летишь, и весь мир — вода,
И ничто не шелохнётся над сияющей гладью,
И горны ангелов отлиты изо льда,
И музыка сфер неподвластна восприятию,
И матери в белом... А потом, а потом
В казарме вселенной трубят подъём.

Николай Васильев, «Нефть звенит ключами». Густо насыщенная словами поэзия — слова на словах, слова об слова, с несколько нарочитой бестолковостью. Там, где словесная масса не так густа, а степень безумия — выше и естественнее, встречается и интересное: кружащее, заговаривающее.

я думал, это тонкий лёд, а это лётный снег,
и потому что есть земля, он там упал, где нет,
и потому что нет земли, он там упал, где я,
на чёрном тает рукаве, земля ему, земля

был слишком тонок этот лёд и потому он снег,
он то, что нет, на то, что есть, прощупывал, как свет,
и падал всюду, словно был на небесах один
огромный звон от тех глубин, где почву находил

Евгений Коновалов, «Голос ко времени». Ярославский поэт и критик — как критик поэзии известен, возможно, даже больше (премия журнала «Арион»). Основные темы — природа и культура, и история как то, что возникает между ними. Мне ближе тема природы, в которой Коновалов наследует Заболоцкому. «Из любви, льда и нефти/ сотканная река». Или: «Тени облаков идут по стеблям/ запинаясь о стога».

Августовский снег над иван-чаем.
Сплав купания и бронзового смеха.
На помосте из песка скучает
стрекоза в хитиновых доспехах.

Точное, графичное письмо: видишь эту стрекозу — тени — реку...

Бурной жизнью живет и издательство «СТИХИ» (создано в 2015 году). Сайта у них нет, а обо всех новоизданных книгах сообщается, по мере, так сказать, поступления, только на их страничке в ФБ. Так что отследить, что и сколько издали за год, сложно. Серия «Срез»... Новая серия «Основа»... Новая серия «The Single» (издано вообще какое-то невероятное количество). Конкурсы... Еще и кубки вручают.

Начинало издательство довольно интересно. Сейчас, погнавшись за количеством, похоже, снизило планку. И сразу повеяло «печками-лавочками».

Как говорила Ахматова, «поэту вредно много печататься». А поэтическим сериям, добавлю, — много печатать. Десять-двенадцать книг в год — иначе неминуемо возникает девальвация; количество обесценивает качество.

«Новая поэзия», «Текст + голос автора», «InВерсия» и другие

Теперь из условного поля «традиционной» поэзии перейдем к книжным сериям не менее условного поля поэзии «авангардной». Условность оговариваю неслучайно: авангард за столетие сам стал традицией, да и граница между двумя этими полями изрядно размыта.

Вначале — о сериях «старых».

В «Новой поэзии» издательства «Новое литературное обозрение» вышло восемь книг — в том числе «Книга обстоятельств» Олега Юрьева, «Утро в стране интровертов» Сергея Тимофеева и «Обратные композиции» Андрея Таврова.

Тавров идет от Мандельштама — идет открыто, подчеркнуто, почти декларативно.

мне холки холм горячий не поднять
 мне бабочку с земной груди не сдвинуть
 подкову за зернистые края
 из выпуклой земли пустой рукой не вынуть

бей сокол мой вразлёт косноязычный круг
 его скорлуп что сдвинуты ослепнув
 и вынуты из непосильных рук
 клубясь сиренью и уздой окрепнув

Тавров, похоже, претендует быть «нашедшим подкову» (ставлю гиперссылку на известное стихотворение Мандельштама) — и на эту претензию у него есть основания. По плотности метафор, по их парадоксальности, по тому гулу и звону, который издают стихи — Тавров не знает себе равных. Особенно когда не пытается в них философствовать («В именах причина вещей», говорит Лао-цзы,/ а Платон говорит об идеях./ Но нет вечных имён...» и т.д.), а просто пишет, поет, мыслит.

Идем дальше.

Несколько снизила темп серия «Воздух» одноименного журнала. В 2020-м вышли всего три книги: Тани Скарынкиной, Максима Горюнова и Олега Шатыбелко. (В 2000-е издавали не меньше десяти книг в год). Захлопнулась, не успев разогреться, и другая «воздушная» серия, начатая в 2010-е «Дальним ветром» (современная зарубежная поэзия в переводах). Похоже, только одна книга (Максима Дрёмова) вышла и в серии «Поколение», печатающей молодую «воздуховскую» поросль¹.

Правда, в другой серии, курируемой редактором «Воздуха» Кузьминым, — «Poetry without borders» — урожай побогаче: пять сборников. Четыре — русских поэтов (Владимира Аристов, Янины Вишневской, Александра Белякова, Андрея Гришаева) и одна — француженки Анны Марии Альбиак.

Так что в сумме получается всё неплохо.

Еще одна новая поэтическая серия — питерского Арт-центра «Борей», «Текст + голос автора» (к электронным книгам прилагается запись читающего ее поэта). Шесть книг, в том числе «Трава для солнечных зайцев» Дмитрия Григорьева, «Человеческое кино» Ларисы Йоонас и «Синодик» Сергея Круглова.

У Сергея Круглова — яркий поэтический монтаж разных языковых пластов, фрагментов и осколков разных культур, соединенный общей — главной для поэта — христианской темой. Из цикла «Адвент»:

Снова срок,
 И три клоуна выйдут в путь за звездою:
 Оно, Они, и третьего
 Не помню как имя, — прошли
 Победным
 Подземным маршем.
 И дождь, дождь
 Поливал той зимой, и новогодний
 кораблик
 Несло в водосток канализации.

Был серенький день,
 И Мати рече:
 — Чадо, что сотвори нама тако?
 — Се, отец твой и аз боляща
 Искахома Тебе.

И Ты, уходя под землю,
 Плакал, пел, говорил что-то
 Убедительное, на языке детства.

¹ Формально к журналу, правда, серия не относится, а значит как совместный проект издательства «Арго-Риск» и премии «Различие» (до 2015 года — премии «Дебют»).

Идем дальше.

Новую поэтическую серию начало екатеринбургско-московское издательство «Кабинетный учёный». «Серия InВерсия — это книги давно любимых составителями авторов и поэтов», сообщается на сайте издательства.

Любят давно составители отчасти самих себя (Юлия Подлубнова — она же и составитель, она же — и изданный в первых рядах автор))), но, конечно, не только. За год вышли сборники еще семи авторов. По стилистике «InВерсия» — двойник поэтической серии журнала «Воздух» (почти все авторы публиковались в «Воздухе»); правда, дизайн поинтереснее.

Из «Девочкадевочкадевочкадевочка» Юлии Подлубновой:

Узнаю городские какбудтости:
за каждым домом
каждый дом,
человек спрятан внутри человека.
нет никого, кто бы сказал: «ЛЮБЛЮ».

Человек есть сознание
плюс невращения.

Лифт ползёт по горлу небоскрёба.
КТО ПРИЛЕПИЛ НА СТЕНУ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ?
Капли лампочек — весна.

Фрагментарное письмо, словно случайно слепленные друг с другом строчки. Не стихи, растущие из сора, а скорее «сор», сознательно выращиваемый из стихов. И, возможно, этот «сор» — тоже стихи. Какие? Разные. Порой — удачные: «Даже память/ похожа на воздух/ выстриженный вертолётами». Заметно увлечение игрой словами. «Черепно-лицевая площадь». «Телефонно-сосудистая система». «Гневский проспект». «Норковая шутка». Но как раз эти шарады и наименее интересны.

У Александра Маниченко («Ну или вот о нежности») — чистый лирический голос, которого автор словно стесняется, заглушая разными оговорками, литературными реминисценциями, графическими изысками. В целом выходит не о любви, не о нежности, а... да, «ну или вот о нежности». Такие вот «ну или вот стихи». Изредка лирика все же прорывается:

приходит что приходит и молчит
заплакать хочет но в глаза не смотрит
раздаться будет легче ночь почти
и начинает плакать

подходит начинает говорить
ещё подходит тут же замолкает
целует
начинает раздеваться

пойдём закурим выкурим другую
чего пришёл
а чё ты тут один

...
приходит что стеклянными глазами
звонит во рту встаёт в дверном проёме
и ничего другого не пускает

Это из цикла «Приходит что» — который лучше читать целиком.

Новая поэтическая серия стала издаваться русско-украинским журналом «Парадигма». Нечто очень похожее по стилю на «Poetry without borders», да и авторы почти те же — но уже в украинском варианте, с украинскими поэтами в переводах и оригиналах. Что, учитывая состояние российско-украинских отношений последних лет, дело важное. К тому же в ней вышли книги двух незаурядных поэтов — Геннадия Каневского и Еганы Джаббаровой.

Из «Не пытайтесь покинуть» Каневского:

изошел от ложа, плакал на заднем дворе,
что среди тонщего сна
бедная жизнь, запонка в серебре,
в сор была сметена.

поднимался, летел над сушей и над водой,
вёл себя, как полный дебил,
был младенцем, агнцем или звездой,
ветром был.

отыскали мы запонку, да уже
поздно, нет никого,
лишь чуть слышен танец феи драже,
да уж нет и его.

отнесём её туда, где хранят для нас
до последних лет
все непарные запонки, невсходившие семена,
непогасший свет.

Шесть лет назад, откликаясь на «Подземный флот» Каневского («Дружба народов», 2015, № 3), я посетовал на его стилистическую пестроту. Нынешняя книга получилась цельной — читается как единое высказывание. Слегка печальное, мудрое, светлое.

И в завершение — о нескольких «внесерийных» книгах.

Вне серий

В питерской «Алетейе» вышло «Мёртвое море» Ефима Бершина. «...Книга “Мёртвое море” вышла в мертвое время. Или полумертвое», — с горечью пишет автор.

Беспокойное небо. Живу, как на дне.
Тучи свесились конской гривой.
Каждый день просыпаюсь в другой стране,
будто каждый день эмигрирую.

Я смотрю в окно. Полустанков нет.
Только воеет пёс у сарая.
Тот же самый двор, тот же самый снег,
а страна-то совсем другая.

Отхлебну воды, отвернусь на миг,
нарисую на стенах метки,
чтоб назавтра понять: от себя самих
мы теперь на каком километре.

Песенная, идущая от классиков авторской песни, линия — только не от Галича (как, например, у Емелина или — временами — у Гуголева), а скорее от Высоцкого.

В Воронеже вышла книга Сергея Рыбкина «Вдали от людей» («Издательский дом ВГУ»). Рыбкин — поэт «воронежской школы» — хотя как школу себя эти поэты не декларировали, да сегодня это и не нужно. Я имею в виду Василия Нацентов, Сергея Рыбкина и Амана Рахметова (жил несколько лет в Воронеже — сейчас в Чимкенте). Все — ровесники, двадцати-с-чем-то-летние. Все трое идут от классической просодии в сторону ее усложнения, более тонкой игры образов, более тонкой лирики.

В стихах Рыбкина этот лирический нерв, похоже, наиболее обострен.

А пока слепота, веки светятся так
как по осени листья
в чёрном небе блестят капли пота —
кристальная соль
и уже ничего удивительного в этих мыслях,
и не хочешь на боль, но закончишь на боль

повстречать мерзлоту и разжиться
на спичечный залп
словно больше огня не найти и не нужно как будто
так идёшь по асфальту в холодных и крупных слезах
к одинокому доброму вечному грунту

только здесь говорить и молчать на речные бока
когда поезд идёт через лес — небо морщится, мнётся
словно всё в этом мире — железо, что рвёт облака
и никак в синеву не пробьётся

Интересный дебютный сборник «Нерасторопный праздник» Ростислава Ярцева вышел в издательстве «ЛитГОСТ». Тяготеющие к минимализму, хорошо проветренные и наполненные «дышащими» паузами стихи.

облако близкое низкое вязкое
я им почти что брезгую
резкую
перемену ветра ли
ждать или с титрами
проливными
сидеть у окна
дотемна

Очень удачен цикл (поэма?) «Рафинад» — о бабушке, работавшей на кондитерской фабрике. Цитировать бессмысленно — в цитатах исчезает дыхание; опять же — нужно читать целиком.

Новгород — Григорий Князев, «Седьмая тетрадь» (СПб.: «Сборка»). Немного неровный, как мне кажется, поэт — очевидные удачи соседствуют с общими местами, хрестоматийными образами. Но искренность — почти детская — поэтической интонации подкупает.

На настенных часах замирает секундная стрелка,
Бьётся сердце твоё — бьётся сердце моё — бьётся сердце твоё.
На холодной постели остыла забытая грелка,
И горячее стынет на тумбочке нашей питьё.

Намело, и бело, и дорога едва различима.
Вот огонь разыгрался — и бесится в жаркой печи,
А в морозное небо — клубы розоватого дыма,
И не выпросить света у жёлтой оплывшей свечи.

Стоило бы еще упомянуть и хотя бы кратко разобрать «Город неба» Кати Капович («Эксмо»), «Агынстр» Светы Литвак («Вест-Консалтинг»), «И краткое» Татьяны Миловой («Т8 Ruggam»), «Старый мир. Починка жизни» Марии Степановой («Новое издательство») — но, к сожалению, этих книг у меня не оказалось... Да и невозможно — и не нужно — пытаться затолкать все в один обзор.

Итак, подведем черту.

Нельзя сказать, что год обошелся совсем без издательских потерь. Похоже, взял вынужденный тайм-аут нью-йоркский «Айлурос». Да и в целом сложностей у издателей хватало. К тому же основная часть серий, насколько можно судить, задумывалась-готовилась в «до-ковидном» 2019-м. Посмотрим, что будет в этом году — сколько новых серий окажется жизнеспособными.

В «дружбинском» подведении итогов года я как-то печально написал: «Пир кончился. А чума осталась». Было, в общем, от чего. И все же в отношении серьезного поэтического книгоиздания — столько лет сидевшего почти на голодном пайке, — этого сказать нельзя. На нашей улице, как ни странно, пиры не угасают. Да. Почти как у классика: «...Улица вся наша/ Безмолвное убежище от смерти,/ Приют пиров, ничем невозмутимых...»